

Пламя

Полог лачуги вновь откинулся. Жена капитана, высоко держа масляную лампу, позвала вполголоса:

— Господин Броуди, господин Азука, ночной ветер нынче холоден. Да и стража где-то поблизости бродит... Может, всё же войдёте?

— ...Прошу вас, называйте меня просто «профессор».

Нова слегка кивнул ей и первым протиснулся в тесную, пропахшую солью конуру.

Лекарство уже было готово. Капитан Скарпо осторожно, капля за каплей, вливал снадобье в рот внучки. Вскоре дыхание девочки, всё ещё пребывавшей в глубоком сне, заметно выровнялось, а температура начала спадать.

Старуха тем временем суетливо пыталась найти в доме хоть какую-то еду или чистую одежду, но всё, что ей попадалось под руку, было лишь грудой жалкого тряпья. Она в смущении вытирала руки о фартук, бормоча сдавленно:

— Те ироды почти всё в доме перебили... Сами видите, ни еды достойной, ни постели чистой не осталось...

Вдруг она порывисто вскочила, направляясь к выходу:

— Пойду у соседей поспрашиваю...

— Не стоит, — черноволосый юноша нахмурился и преградил ей путь. Вид его был столь суров, что женщина невольно съёжилась, и Нова, заставив себя смягчить тон, добавил: — Мы уже поели на корабле, не утруждайте себя.

К счастью, Избранный богом вовремя пришёл ему на помощь. Мягкая, исполненная доброты улыбка на его прекрасном лице мигом расположила к себе хозяев.

— У нас есть сменная одежда, так что одну ночь как-нибудь перебьёмся. Не беспокойтесь, я позабочусь о господине профессоре.

Слова о «присмотре» не были пустой формальностью: Азука действительно извлёк из багажа два тонких одеяла и расстелил свой плащ в углу, чтобы отгородиться от сырых досок пола.

Когда чета Скарпо попыталась уступить им единственную кровать, Нова отрезал все возражения — взрослому мужчине не пристало теснить больную Марту.

Ночной воздух в гавани был по-настоящему промозглым. Обоняние Новы к тому времени окончательно притупилось, и он уже не чувствовал рыбного смрада. Когда капитан с женой устроились в другом углу, юноша поплотнее закутался в одеяло, пытаясь забыться сном. Однако едва его сознание начало погружаться в туманную дремоту, чья-то рука осторожно коснулась его плеча.

Нахмурившись, Нова открыл глаза и увидел Избранного бога. Тот сидел перед ним на корточках с чашей того самого зловонного варева в руках, а на его лице сияла до боли знакомая кроткая улыбка.

Нова замер.

— Профессор, выпейте и вы чашечку, — прошептал юноша на языке наталинцев.

— ...Насколько я помню, я в обморок не падал? — черноволосый юноша страдальчески исказил лицо, глядя на лекарство с нескрываемым отвращением.

— Разве вы не чувствуете? У вас небольшой жар, — Азука протянул руку и коснулся его лба.

То ли от усталости, то ли от подступающей болезни собеседник соображал туго. Лишь спустя несколько мгновений он отстранился, спрятав лицо в складках одеяла. Изнурительное морское путешествие и постоянное нервное напряжение всё же сломили его стойкость — едва тело получило передышку, как организм тут же заявил протест.

Спаситель, нисколько не смутившись, бесцеремонно помог ему приподняться и поднёс чашу к самым губам своего вечного соперника:

— Не капризничайте. Если не выпьете сейчас, завтра точно свалитесь с лихорадкой.

Избранный богом смотрел на него тем самым укоризненным взглядом, который Нова терпеть не мог.

«Даже родители в обоих мирах никогда так его не опекали, — пронеслось в туманном мареве засыпающего разума. — Фу, какая мерзость... О чём он вообще говорит? Капризничая? Чёртов глагол, что за безумие на него опять нашло...»

— Профессор? — голос Азуки стал ещё тише.

Закутанная в одеяло фигура наконец шевельнулась. Нова, прикрыв глаза, покорно принял

чашу и осушил её одним глотком. Азука заметил, что тот не снял перчатки даже перед сном. Сложно было поверить, что человек, способный голыми руками давить насекомых и выдирать шерсть из драконов, страдает от брезгливости.

— Я очень устал. Замолчи.

Не давая Избранному богом времени для раздумий, Нова отставил чашу, завернулся в одеяло и, повернувшись спиной, сухо бросил:

— Спокойной ночи.

Собеседник лишь едва заметно усмехнулся:

— Что ж... Доброй ночи.

Тяжело вздохнув, юноша накрылся своим одеялом и прилёг рядом. Прежде ему часто доводилось спать вот так, плечом к плечу с сородичами или друзьями, но в эту ночь сон не шёл к нему. В темноте Азука перебирал обрывки воспоминаний: картины из прошлой жизни, сюжеты прочитанных манг, образы нынешнего мира. Перед его внутренним взором мелькали лица близких, соратников и его врага — этого непостижимого, словно зашифрованное послание, соперника.

Память, полная радости и боли, кипела в его сознании. И когда он уже готов был окончательно провалиться в забытие, резкое движение соседа заставило его вздрогнуть.

— ...Профессор? — негромко позвал юноша.

В тусклом свете, пробивающемся сквозь щели в подгнивших досках, он увидел, что Нова судорожно сжался, приняв позу эмбриона. Одеяло было отброшено в сторону.

Его брови были болезненно изломаны, глаза плотно зажмурены, а из горла вырывались тихие, надрывные стоны. Руки черноволосого юноши впились в собственную шею — он пытался яростно расцарапать кожу, словно желая выпустить наружу таящуюся в глубине души муку. Но из-за плотной ткани перчаток пальцы лишь бессильно соскальзывали вниз.

Азука мгновенно возвёл вокруг них барьер ветра — тонкий, но несокрушимый поток воздуха, который не потревожил даже пыль на полу. Сначала он осторожно коснулся плеча Новы, затем несколько раз позвал его по имени. Ответа не последовало. Профессор лишь ещё отчаяннее пытался спрятаться от невидимого кошмара. На его обнажённой шее отчётливо проступили хрупкие позвонки.

Избранный богом на мгновение замер, и его синие глаза в ночной тьме стали бездонно-мрачными. Наконец он протянул руки и бережно притянул Нову к себе, прижимая к груди и

начиная медленно, успокаивающе поглаживать по спине.

Это подействовало. Спаситель безмолвно созерцал тёмные пятна копоти на низком потолке. Ветер отсек все внешние звуки, оставив лишь стук двух сердец: одно билось ровно и спокойно, другое — часто и сбивчиво. Постепенно эта дрожь, напоминающая трепет раненого зверя, утихла. Напряжённые мышцы обмякли, а болезненная складка между бровями разгладилась.

Прежде их общение было лишь односторонним потоком — письмами без подписи, что регулярно появлялись у его кровати. Тот человек таился в скупых строчках, проступал в изящных фразах, скрывался за полными страха взглядами окружающих. Он был живым воплощением кошмара, гнева, боли и унижения. Богом, вопрошающим о его Истоке, или же далёкой, холодной луной.

А теперь этот враг казался таким хрупким, таким беззащитным. Стоило лишь протянуть руку — и он мог исчезнуть, раствориться. Лишь едва осязаемое тепло его души согревало грудь Азуки. Человеческая суть неизменна; это тепло уже когда-то ускользало от его меча, и тогда он даже не осознавал, какую цену за это придётся заплатить.

Юноша подхватил упавшее одеяло и вновь укрыл профессора. Дыхание Новы окончательно успокоилось, рука расслабленно соскользнула на сгиб локтя. Только теперь, когда черты его лица разгладились, можно было заметить, насколько он на самом деле красив. Обычно он носил маску холодного, почти болезненного безразличия, словно пребывал в ином, недостижимом пространстве, но сейчас в изгибе его век проглядывала странная, почти детская невинность.

Следовало бы отпустить его — приступ неведомой болезни прошёл, и подобная близость нарушала все правила приличия. Но Азука не шелохнулся.

Он продолжал сидеть так, баюкая своего врага, свою величайшую загадку... своего профессора, пока первые лучи зари, пробившиеся сквозь щели в двери, не разделили лицо спящего на свет и тень.

Когда Нова вновь открыл глаза, в лачуге уже было светло. Он ожидал, что тело будет ломить от боли, а голова окажется тяжёлой, но, к своему удивлению, чувствовал себя превосходно — если не считать онемевших конечностей.

Азука собирал вещи. Заметив, что спутник проснулся, он одарил его ослепительной улыбкой.

— Доброе утро, профессор, — настроение Избранного бога, судя по всему, было великолепным.
— Как вам спалось?

— ...Доброе утро. Нормально, — Нова бесстрастно отвёл взгляд.

Чета Скарпо была занята делами: один варил рыбу, другая латала сети. Маленькая Марта уже проснулась и сидела на кровати, с робким любопытством разглядывая незнакомцев. В руках она бережно сжимала мягкое одеяло Азуки.

В это время рыбаки обычно уже возвращались с уловом, и лучшие товары разлетались мгновенно. На прилавках оставалась лишь всякая мелочь, из-за которой в порту поднимался невообразимый гвалт.

Однако на Улице Рыбьего Хвоста стояла жуткая тишина. Не слышно было ни гудков судов, ни людских голосов, ни привычной ругани торговцев. Вдруг воздух, пропитанный рыбным смрадом, прорезал леденящий душу крик, за которым последовал многоголосый гул ужаса.

Капитан Скарпо резко вскочил.

— Я посмотрю, что там. Оставайтесь здесь.

Азука подошёл к профессору, его глаза сузились. Вскоре капитан вернулся. Он плотно прикрыл дверь; лицо его было белым как полотно. Старик замер, уставившись на присутствующих диким, невидящим взглядом, а его губы мелко дрожали.

— Что там случилось? — с тревогой спросила жена.

— ...Это Лос, жена Бенни, — глухо отозвался капитан. Заметив Марту, он подошёл и закрыл девочке уши. — Она, обнимая ребёнка, подожгла себя. Прямо посреди улицы.

Бенни был тем самым грузчиком, которого стража увела несколько дней назад. У него остались лишь жена и крошечный сын в колыбели.

— Я видел их... Они так и лежат там, на камнях. Чёрные угли. Повсюду воняет горелым китовым жиром... Они мертвы.

— О Одрейс, бог морей!.. — жена капитана в ужасе зажала рот ладонями, и слёзы хлынули из её глаз.

Для последователей бога морей смерть в огне была самым страшным проклятием. Одрейс ненавидел бога огня Фара, и глубоко верующие моряки даже возносили молитвы, прежде чем развести костёр. В этих землях пиратов часто предавали огню, ибо считалось, что душа сгоревшего заживо навеки окажется запертой в раскалённой магме на дне океана, не зная покоя.

У верующего в Одрейса могла быть лишь одна причина для самосожжения — желание проклясть врага ценой вечных мук собственной души.

Улица Рыбьего Хвоста заполнилась народом. Люди стекались отовсюду, образуя живое кольцо вокруг двух обугленных тел — матери и дитя, застывших в последнем объятии. Кроме предсмертного крика, они не оставили миру ни единого слова, но каждый в этой толпе понимал, на чьи головы пало это страшное проклятие.

— Бей их! — из самой гущи толпы вырвался первый, полный ярости крик, подхваченный сотнями глоток.

<http://bllate.org/book/15312/1354375>